

Уильям Шекспир

*Много шума
из ничего*

Перевод Юрия Лифшица

Уильям Шекспир

**Много шума из ничего.
Перевод Юрия Лифшица**

«Издательские решения»

Шекспир У.

Много шума из ничего. Перевод Юрия Лифшица / У. Шекспир —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832556-4

Изысканный юмор, остроумные диалоги, веселые песни, чудовищное предательство, безвременная смерть, чудесное воскресение и вечнозеленая любовь в новом переводе искрометной комедии У. Шекспира «Много шума из ничего». Перевод выполнен поэтом и переводчиком Ю. Лифшицем и наверняка найдет своих благодарных читателей. В оформлении обложки использована иллюстрация британского художника Маркуса Стоуна (1840—1921) к комедии У. Шекспира «Много шума из ничего» — «Клавдио обвиняет Геро в бесчестии».

ISBN 978-5-44-832556-4

© Шекспир У.
© Издательские решения

Содержание

Действующие лица	6
Акт первый. Сцена первая	7
Акт первый. Сцена вторая	13
Акт первый. Сцена третья	14
Акт второй. Сцена первая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Много шума из ничего

Перевод Юрия Лифшица

Уильям Шекспир

Переводчик Юрий Лифшиц

© Уильям Шекспир, 2017

© Юрий Лифшиц, перевод, 2017

ISBN 978-5-4483-2556-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Действующие лица

ДОН ПЕДРО, принц Арагонский.

ДОН ДЖОН, его побочный брат.

КЛАВДИО, молодой лорд из Флоренции.

БЕНЕДИКТ, молодой лорд из Падуи.

ЛЕОНАТО, правитель Мессины.

АНТОНИО, его брат.

БАЛЬТАЗАР, слуга дона Педро.

КОНРАД, БУТЫЛЬО, приближенные дона Джона.

ОТЕЦ ФРЭСИС.

ЧЕРТОПОЛОХ, констебль.

ОБРЕЗОК, его помощник.

ПИСАРЬ.

МАЛЬЧИК.

ГЕРО, дочь Леонато.

БЕАТРИЧЕ, племянница Леонато.

МАРГАРИТА, УРСУЛА, камеристки Геро.

ЛОРДЫ, ПОСЫЛЬНЫЕ, СТРАЖА, СВИТА, СЛУГИ

Место действия – Мессина.

Акт первый. Сцена первая

Перед домом Леонато.

ЛЕОНАТО. Если верить письму, дон Педро, принц Арагонский, с минуту на минуту станет нашим гостем.

ПОСЫЛЬНЫЙ. Совершенно верно. Я оставил его в трех лигах от Мессины.

ЛЕОНАТО. Скольких джентльменов не досчитались вы по окончании битвы?

ПОСЫЛЬНЫЙ. Из простых дворян – одного-двух, из высокородных – ни одного.

ЛЕОНАТО. Дважды победитель тот, чьи ряды почти не поредели. В письме говорится, что нынче у принца в особенной чести молодой флорентиец Клавдио.

ПОСЫЛЬНЫЙ. По заслугам и почести – иначе бы дон Педро не отличал бы его. С виду ягненок, но сущий лев в бою, Клавдио превзошел самого себя – и это в его-то годы! Он действительно оправдал больше надежд, чем вы надеетесь узнать об этом из моего ненадежного рассказа.

ЛЕОНАТО. Кажется, у него есть дядя в Мессине – то-то он обрадуется!

ПОСЫЛЬНЫЙ. Уже радуется. Когда я передал ему эту весть, его счастье было столь велико, что не сочло нескромным присвоить себе некоторые атрибуты несчастья.

ЛЕОНАТО. Иными словами, он прослезился?

ПОСЫЛЬНЫЙ. Не то слово.

ЛЕОНАТО. Естественное излияние благородного естества. Насколько же прекрасна личность, способная очищать себя такого рода ливнем! Кто может проливать слезы радости, того ничем не обрадуют чужие слезы.

БЕАТРИЧЕ. А что, синьор Эспадрон тоже остался в живых или как?

ПОСЫЛЬНЫЙ. Я впервые слышу это имя, леди. В нашем отряде таковой не значился.

ЛЕОНАТО. Ты на кого намекаешь? А, племянница?

ГЕРО. Ну, как же! Сестрица интересуется синьором Бенедиктом Падуаанским.

ПОСЫЛЬНЫЙ. Если так, то он жив-здоров и по-прежнему веселится напропалую.

БЕАТРИЧЕ. Вызывая на поединок самого Купидона, он носился по всей Мессине со своими, как ему казалось, легкими и острыми стрелами. Но за Купидона вступился дядюшкин шут, и весьма успешно, хотя его стрелы оказались и тяжелее, и тупее. Интересно, скольких врагов Бенедикт самолично отправил на съедение червям? То есть – на тот свет, поскольку каждого убитого им врага я обещала съесть сама.

ЛЕОНАТО. Честное слово, племянница, не стоит так набрасываться на синьора Бенедикта. Смотри, он приедет и поквитается с тобой. Я в этом более чем уверен.

ПОСЫЛЬНЫЙ. Он не отсиживался в запасе, леди.

БЕАТРИЧЕ. Потому что, видимо, засиживался на кухне, уничтожая запасы затхлого удовольствия. Героический аппетит плюс доблестный желудок – только и всего.

ПОСЫЛЬНЫЙ. Он славно дрался, леди.

БЕАТРИЧЕ. Славно дрался – с леди. А как – с лордами?

ПОСЫЛЬНЫЙ. С лордами – как лорд, с солдатами – по-солдатски. Он исполнен самых благородных качеств.

БЕАТРИЧЕ. Точнее – наполнен, как... чучело, в котором полно соломы. Но каковы эти самые качества в его исполнении? Впрочем, все мы несовершенны.

ЛЕОНАТО. Не подумайте чего насчет моей племянницы, сэр. Когда они сходятся с синьором Бенедиктом, то воюют не на шутку, забрасывая друг друга острогами.

БЕАТРИЧЕ. Меня своими ему, увы, еще ни разу не удалось забросать. После нашей последней схватки он лишился ума, рассудка, воображения и фантазии. При нем осталась

только память, благодаря которой он кое-как отличается от лошади и с переменным успехом пытается выдать себя за человека разумного. Кто нынче водит с ним компанию? Он же меняет побратимов, как перчатки.

ПОСЫЛЬНЫЙ. Не может быть!

БЕАТРИЧЕ. Еще как может. Его порядочность похожа на его прическу: при виде очередного болвана он спешит оболваниться на его манер.

ПОСЫЛЬНЫЙ. Все ясно, леди: этого джентльмена вы за здравие не поминаете.

БЕАТРИЧЕ. Скорее за упокой, в противном случае я спалила бы церковь. Но вы мне ничего не сказали насчет его приятелей. Ручаюсь, без молодого бездельника, который может отправиться с ним черт знает куда, он не обходится.

ПОСЫЛЬНЫЙ. Он почти неразлучен с благородным Клавдио.

БЕАТРИЧЕ. Господи, помилуй бедного юношу! Бенедикт опаснее всякой болезни, заразнее самой чумы. Тот, кто его подцепит, мигом впадет в идиотизм. Бог ты мой! Если такая зло- вредная хвороба, как Бенедикт, привязалась к этому благородному молодому человеку, то он скорее разорится, чем излечится от нее.

ПОСЫЛЬНЫЙ. Хотел бы я, леди, попасть в число ваших друзей.

БЕАТРИЧЕ. Как вам будет угодно, друг мой.

ЛЕОНАТО. Кому-кому, племянница, а тебе до идиотизма далеко.

БЕАТРИЧЕ. Как и всем нам – до пекла в январе.

ПОСЫЛЬНЫЙ. А вот и дон Педро.

Входят ДОН ПЕДРО, ДОН ДЖОН, КЛАВДИО, БЕНЕДИКТ и БАЛЬТАЗАР.

ДОН ПЕДРО. Дорогой синьор Леонато, пеняйте на себя: всем в тягость дополнительные хлопоты и траты, а вам они в радость.

ЛЕОНАТО. Еще ни разу приезд вашей светлости не доставил моим домашним особенных хлопот. Если мы, избавляясь от них, испытываем радость, то я, расставаясь с вами, вместо радости чувствую только грусть.

ДОН ПЕДРО. Да, но вы с радостью взваливаете на себя слишком тяжелое бремя забот. – Сдается мне, это ваша дочь?

ЛЕОНАТО. Во всяком случае ее мать не забывала мне об этом напоминать.

БЕНЕДИКТ. Что было с вашей памятью, если вы постоянно об этом забывали?

ЛЕОНАТО. Ничего, синьор Бенедикт. Я помню все, даже то, что вы тогда под стол пешком ходили.

ДОН ПЕДРО. Так вам и надо, Бенедикт. Глядя на вас, мы догадываемся, что можно и вырасти, и не повзреть. – Впрочем, я спрашивал напрасно: дитя – точная копия своего родителя. (ГЕРО.) Это большая удача, леди, походить во всем на такого почтенного человека. (*Отходит в сторону вместе с ЛЕОНАТО и ГЕРО.*)

БЕНЕДИКТ. Сходство между синьором Леонато и этой синьорой не подлежит сомнению, но едва ли дочка – даже ценою целой Мессины – пожелает взять себе голову отца.

БЕАТРИЧЕ. Была охота распинаться, синьор Бенедикт, когда вас никто не желает слушать. Это просто удивительно.

БЕНЕДИКТ. Что такое, госпожа Зловредность? Разве вы еще живы?

БЕАТРИЧЕ. Пока Зловредность питается такими безвредными особями, как синьор Бенедикт, она бессмертна. Сама Учтивость будет шпынять вас из вредности.

БЕНЕДИКТ. И тем самым нанесет самой себе непоправимый вред. Кстати говоря, меня обожают все дамы, кроме вас. И хотя у меня самого сердце болит, оттого что оно ледяное, еще не родилась женщина, способная его растопить.

БЕАТРИЧЕ. Тем лучше для женщин. С таким леденящим душу воздыхателем, как вы, окоченеешь насмерть. Слава Богу, мой хладнокровный нрав подобен вашему: для меня мужчина с его любовными клятвами противнее пустолайки, брешущей на ворон.

БЕНЕДИКТ. Помогите вам Бог, леди! Продолжайте в том же духе, и тогда те или иные джентльмены уберегут лицо от лишних царапин.

БЕАТРИЧЕ. Личность, подобную вашей, лишняя царапина на лице только украсит.

БЕНЕДИКТ. Вам бы попугаев обучать – так ловко вы владеете своим языком.

БЕАТРИЧЕ. Если птичка овладеет языком благодаря мне, она будет изъясняться лучше, чем чудо-юдо вроде вас.

БЕНЕДИКТ. А если бы моя лошадь была так резва и вынослива, как ваш язычок, я был бы на коне. Ну, да Бог с вами, можете продолжать, а я пас.

БЕАТРИЧЕ. Мне давно известен ваш конек – пасовать с лошадиной шуткой.

ДОН ПЕДРО. Так тому и быть, Леонато. (КЛАВДИО и БЕНЕДИКТУ.) Синьоры! Мой добрый друг Леонато уговаривает всех нас пожить у него. Я предполагал погостить с месяц, но хозяин от всего сердца уповаet на случай, который удлинит время нашего пребывания. Слово чести: это не лицемерие, а подлинное радушие.

ЛЕОНАТО. Вы дали честное слово, милорд, значит, бесчестие вам не грозит. (ДОНУ ДЖОНУ.) Если ваши разногласия с принцем, вашим братом, устранены, милости прошу и вас, милорд. Можете располагать мной, как вам будет угодно.

ДОН ДЖОН. Благодарю вас. Я не любитель пышных фраз, но... я вас благодарю.

ЛЕОНАТО. Не угодно ли вашему сиятельству войти в дом?

ДОН ПЕДРО. Только вместе с вами, Леонато. Вашу руку.

(Все, кроме КЛАВДИО и БЕНЕДИКТА, уходят.)

КЛАВДИО. Бенедикт, ты обратил внимание на дочь синьора Леонато?

БЕНЕДИКТ. Нет, хотя смотрел на нее очень внимательно.

КЛАВДИО. Благовоспитанная девушка, ты не находишь?

БЕНЕДИКТ. Что означает твой вопрос? Ты хочешь честь по чести узнать мою истинную точку зрения на этот предмет или тебя устроит традиционное мнение такого старого женоненавистника, как я?

КЛАВДИО. Ни в коем случае. Мне нужен твой честный и откровенный ответ.

БЕНЕДИКТ. Итак, на мой взгляд, если хвалить ее по большому счету, она маловата; если на полную катушку, – худовата; если на весь белый свет, – смугловата. От моих щедрот ей перепадет только одно признание: в каком-либо другом облиции она стала бы дурнушкой, а в своем нынешнем – она мне не по душе.

КЛАВДИО. Знаешь, мне не до шуток. Отвечай, как на духу, нравится она тебе или нет?

БЕНЕДИКТ. Ты что, решил ее приобрести или только прицениваешься?

КЛАВДИО. Такое сокровище никому не по карману!

БЕНЕДИКТ. Неправда. И прикарманить его есть кому, и не смыкать глаз подле него. Но что с тобой? Ты серьезно озабочен или притворяешься? А может, ты строишь из себя завязатого зубоскала и прямо сейчас примешься называть Купидона охотником за зайцами, а Вулкана мастером по дереву? Какую ноту мне взять, чтобы попасть в твою тональность?

КЛАВДИО. Из всех, кого я видел, это самое бесподобное существо на свете.

БЕНЕДИКТ. Я хорошо вижу без очков, но ничего подобного в этом существе не приметил. Вот ее кузина – подлинная красавица. И если бы не засевавшая в ней фурия, она бы отличалась от сестры точно так же, как майские деньки от декабрьских. Но, я надеюсь, у тебя не возникло желания выйти в мужья? Или как?

КЛАВДИО. Если бы Геро пошла за меня, а я отказался от нее, я солгал бы самому себе.

БЕНЕДИКТ. Докатился! Нет, видимо, тебе – да и никому в мире – не сносить шапки, которая не топорщилась бы на голове самым подозрительным образом. Отсюда вывод: в природе не водятся неженатики шестидесяти лет от роду. Ну да ладно. Суй себе холку в ярмо, если хочешь по воскресеньям жевать семейную жвачку. – А вот и дон Педро. Он, похоже, вернулся за нами.

Входит ДОН ПЕДРО.

ДОН ПЕДРО. Если не секрет, какие тайны помешали вам пойти вместе со мной и Леонато?

БЕНЕДИКТ. Ваше высочество, сперва прикажите мне донести на графа.

ДОН ПЕДРО. Если ты воистину предан мне, доноси.

БЕНЕДИКТ. Верьте слову, граф Клавдио, когда мне доверяют тайну, я немею. Но если мне намекают о моей преданности, а тем более – обратите внимание! – об истинной преданности, делать нечего. Итак, он полюбил. Кого именно? Это будет реплика вашего высочества. Быстроглазую Геро, дочь Леонато, – быстренько ответит он.

КЛАВДИО. Если бы так было на самом деле, ответ правильный.

БЕНЕДИКТ. Как в старинных преданиях, милорд: «Этого не было, этого нет и не дай Бог этому случиться».

КЛАВДИО. Господи! если моя страсть не остынет с быстротой молнии, пусть случится именно это!

ДОН ПЕДРО. Аминь! Если ты влюблен в эту девушку, тебе повезло: ей цены нет.

КЛАВДИО. Вы ловите меня на слове, милорд?

ДОН ПЕДРО. Я сказал, что думаю, даю слово.

КЛАВДИО. И я, что думаю, то и сказал, клянусь честью.

БЕНЕДИКТ. И я, что сказал, то и думаю; и даю то же самое и клянусь тем же, чем и вы.

КЛАВДИО. Я чувствую, что люблю ее.

ДОН ПЕДРО. Я знаю, что ей нет цены.

БЕНЕДИКТ. А я не чувствую, что ее стоит любить, и не знаю, какова ей цена. Попробуйте меня каленым железом, сожгите на костре, но от этого своего убеждения я не отрекусь.

ДОН ПЕДРО. Ты на словах всегда был пламенным атеистом в любви.

КЛАВДИО. И если бы не пересиливал себя, никогда бы не сыграл этой роли на деле.

БЕНЕДИКТ. Женщина носила меня под сердцем – большое спасибо. Она же разрешилась мной – низкий поклон. Но приставлять к моему лбу невидимые глазу рога, в которые могут трубить все, кому не лень, – это уж извините. Разувериться в одной-единственной особе женского пола, значит, обидеть ее, поэтому я отказываюсь верить всем до единой особям этого рода. В заключение прошу принять к сведению, что ни одна из них не сведет меня с ума и что я умру холостяком.

ДОН ПЕДРО. Прежде чем умру я, ты на моих глазах позеленеешь от любви.

БЕНЕДИКТ. Очень может быть, милорд, только не от любви, а, допустим, от разлития желчи, хвори или голода. Если однажды я перестану горячить кровь выпивкой, оттого что стану портить ее себе амурными делами, ослепите меня пером бездарного строчкогона и приколотите к дверям борделя – буду изображать слепого Купидона.

ДОН ПЕДРО. Если ты со временем перестанешь исповедывать свою веру, тебе проходу не будет от острот.

БЕНЕДИКТ. Тогда вы можете засунуть меня в кувшин, как кошку, и открыть по мне стрельбу. Лучший стрелок удостоится аплодисментов и звания Адама Белла.

ДОН ПЕДРО. Поживем – увидим. Есть же пословица: «В ярме и дикий бык домашним станет».

БЕНЕДИКТ. Но это же скотина неразумная! А вот если человек по имени Бенедикт позволит себя захомутать – можете сломать быку рога, присобачить их мне на лоб, раскрасить меня самым гнусным образом и повесить на грудь громадное объявление, на котором вместо «Хорошая лошадь напрокат» будет нацарапано: «Окруженный Бенедикт на обозренье».

КЛАВДИО. Тогда ты, чего доброго, начнешь бросаться на всех с рогами наперевес.

ДОН ПЕДРО. Ничего подобного. Если Купидон не опустошит своего колчана в Венеции, Бенедикт в самое ближайшее время примет участие в этом представлении.

БЕНЕДИКТ. Не раньше, чем произойдет светопреставление.

ДОН ПЕДРО. Там посмотрим. А пока, дорогой синьор Бенедикт, ступайте к Леонато. Поприветствуйте его от моего имени и передайте, что я не изменил решения отужинать у него. Он там готовится не на шутку.

БЕНЕДИКТ. С большой охотой, эта работа по мне. Итак, поручаю вас...

КЛАВДИО. «...попечению Божию. Составлено в собственном имени, буде таковое у меня объявится...».

ДОН ПЕДРО. «...месяца июля дня шестого. Обожающий вас друг Бенедикт».

БЕНЕДИКТ. Тоже мне, шутники нашлись. Ткань ваших остроумств состоит из лоскутиков, приметанных один к другому на живую нитку. Посоветуйтесь с вашей совестью, стоит ли пускать в ход такие затасканные перлы. На этом позвольте откланяться. (*Уходит.*)

КЛАВДИО. Я вас, ваше высочество, хотел
О помощи просить.

ДОН ПЕДРО. Но о какой?

Участие мое к твоим услугам.

Его ты научи, и твой урок,

Пусть даже трудный, вызубрит оно,

И помощь будет.

КЛАВДИО. Есть у Леонато

Наследник, кроме Геро?

ДОН ПЕДРО. Только Геро.

Ты ею очарован?

КЛАВДИО. О, милорд!

Когда в поход, увенчанный победой,

Мы собирались, я заметил Геро.

Но накануне трудного сраженья

Солдат не должен думать о любви.

Ну, а теперь, когда война забыта,

Меня теснят мечты о наслажденье,

Твердя о том, о чем я знал и раньше, —

О красоте возлюбленной моей.

ДОН ПЕДРО. И ты, как все влюбленные, намерен

Об этом нам все уши прожужжать?

Ты тешишься надеждами – изволь:

Я с Леонато переговорю,

И Геро будет наша – и без этих

Твоих витиеватых разговоров.

КЛАВДИО. Диагноз точен ваш: вы распознали

По внешности любовную болезнь.

Но я хотел сказать своим трактатом,

Что эту хворь не тотчас подхватил.

ДОН ПЕДРО. Зачем же огороды городить?
Какая вещь нужнее, ту и дарят.
Ты, если в двух словах, смертельно болен,
А я берусь тебя утешить.
Итак, сегодня ночью, на балу,
Под маской и под именем твоим
Я отворю своей душой сердце
Твоей прекрасной Геро – слух ее
Не выдержит стремительной и мощной
Атаки нежных слов и сдастся в плен.
А утром я с отцом договорюсь,
И ты ее в итоге получишь.
Не надо только мешкать с этим делом.

(Уходят.)

Акт первый. Сцена вторая

Комната в доме Леонато.

Входит ЛЕОНАТО, вслед за ним – АНТОНИО.

ЛЕОНАТО. Что это значит, брат? Куда девался твой сын, а мой племянник? Где обещанная музыка?

АНТОНИО. Он ею как раз и занят. Но ты, брат, лучше послушай, что тут делается. Тебе такое и во сне не видать.

ЛЕОНАТО. Что-нибудь хорошее?

АНТОНИО. Похоже, да; и даже, если судить по первым признакам, более того. Надо только дождаться развития событий. Мой человек, проходя мимо живых изгородей сада, невольно услышал, как принц признался графу Клавдио в любви к моей племяннице, твоей дочери. Принц намерен объясниться с ней сегодня на балу. Если она не будет против, он, немедленно попросит у тебя ее руки.

ЛЕОНАТО. А он часом не спятил?

АНТОНИО. Кто, принц?

ЛЕОНАТО. Нет, твой человек, который сморозил эту чушь.

АНТОНИО. Нет, он вовсе не глуп. Хочешь, я позову его? Он и тебе скажет то же самое.

ЛЕОНАТО. Зачем? Пусть это будет сон, по крайней мере, до тех пор пока не станет явью. Но дочку надо на всякий случай известить. Пусть будет начеку – мало ли что. Поговори с ней ты.

АНТОНИО уходит. Входит ЕГО СЫН с МУЗЫКАНТАМИ.

Я же говорил, племянник, что ты и сам отлично справишься. Будь другом, окажи мне еще одну услугу. Без тебя, мой дорогой, как без рук, а дел невпроворот. *(Все уходят).*

Акт первый. Сцена третья

Галерея дома Леонато.

Входят ДОН ДЖОН и КОНРАД.

КОНРАД. Черт побери, милорд! У вашей тоски нет ни конца, ни края.

ДОН ДЖОН. Я объят бескрайней тоской, потому что количество причин, породивших ее, бесконечно.

КОНРАД. А если пораскинуть умом?

ДОН ДЖОН. А вдруг я прокидаюсь, пораскинув?

КОНРАД. Нисколько. Если вас совсем не покинет тоска, то, как минимум, появится терпение, с которым вы будете ее выносить.

ДОН ДЖОН. Удивляюсь я тебе: ты, рожденный, по твоим словам, под знаком меланхолического Сатурна, – и вдруг взялся читать мне мораль! Таким бальзамом смертельную рану не исцелишь. Я – вот он, как на ладони: есть причина – грущу и не отзываюсь на чужие шутки; хочу есть – сажусь обедать, даже если некому составить мне компанию; клонит в сон – ложусь спать, и мне ни до кого нет дела; а уж если мне весело – хохочу во всю горло, нравится это кому-то или нет.

КОНРАД. Да, но, пока вы под надзором, вам приходится сдерживать себя. Несмотря на ваш недавний мятеж против вашего брата, вы снова в милости у его светлости. Но, чтобы вторично расцвести, вам следует постоянно находиться на солнечной стороне. Ну, а со временем вам представится удобный случай собрать свой урожай.

ДОН ДЖОН. Лучше гнить на корню, чем цвести под солнцем его светлости. Так уж я устроен: скорее буду терпеть ненависть окружающих, чем украдкой добиваться чьей-то любви. Если я в глазах общества и не выгляжу притворно честным человеком, то за глаза меня не могут не считать законченным мерзавцем. На меня надели намордник, привязали к поводку, после чего открыли кредит доверия. Вот и вся свобода. Но петь в клетке я не буду, так и знайте! Снимите намордник – даже если я начну кусаться. Дайте мне полную свободу – даже если я примусь ходить на голове. А до той поры отстаньте от меня: я таков, каков есть, и меняться не собираюсь.

КОНРАД. А нельзя ли вам как-нибудь воспользоваться вашим раздражением?

ДОН ДЖОН. Я и так пользуюсь, хотя пользы мне от этого никакой. А вот и БУТЫЛЬО.

Входит БУТЫЛЬО.

Ну, что там?

БУТЫЛЬО. Ужин просто чудесный. Леонато потчует вашего брата как короля. А вот вам последняя новость: скоро свадьба.

ДОН ДЖОН. Какой же кретин совершил помолвку с неприятностями? Вот бы подстроить ему какую-нибудь пакость.

БУТЫЛЬО. Что вам сделала правая рука вашего брата?

ДОН ДЖОН. Что такое? Это щеголь Клавдио?

БУТЫЛЬО. Собственной персоной.

ДОН ДЖОН. Кавалер каких мало! Но кто же, кто она? На кого он положил глаз?

БУТЫЛЬО. Хотите верьте, хотите нет, но это Геро, единственная дочь Леонато.

ДОН ДЖОН. Ай да граф! желторотый, но шустрый. Расскажи подробней, как и что.

БУТЫЛЬО. Мне поручили проветрить дом. В одной из самых затхлых комнат я едва не наткнулся на принца и Клавдио. Они шли рука об руку и были совершенно поглощены беседой. Я успел шмыгнуть за ковер и услышал, о чем они улавливаются. Принц самолично попросит руки Геро, а при согласии невесты сдаст ее с рук на руки жениху.

ДОН ДЖОН. Вот как! Надо будет этим заняться. Здесь моя злоба найдет чем поживиться. Из-за этого молодого да раннего подлипалы нанесен урон моей чести. Я бы ходил окрыленный, если бы сумел подрезать ему крылья. Мне придется прибегнуть к вашей помощи. Могу ли я вам довериться?

КОНРАД. До самой смерти, милорд.

ДОН ДЖОН. Мое унижение только улучшает им аппетит. Эх, если бы повар думал по моему! Впрочем, и нам не мешает чудесно поужинать. Идемте, посмотрим, что там к чему.

БУТЫЛЬО. Располагайте нами, ваша сиятельство.

(Уходят.)

Акт второй. Сцена первая

Зал в доме Леонато.

Входят ЛЕОНАТО, АНТОНИО, ГЕРО, БЕАТРИЧЕ и ДРУГИЕ.

ЛЕОНАТО. Кажется, графа Джона за столом не было.

АНТОНИО. Я его тоже не видел.

БЕАТРИЧЕ. Терпеть не могу его кислую мину. Как взгляну на него – меня потом с час тошнит.

ГЕРО. В самом деле, очень мрачный господин.

БЕАТРИЧЕ. Из него и Бенедикта можно было бы слепить одного приличного мужчину: один стоит, как изваяние, – язык проглотил; другой не закрывает рта, как маменькин сынок.

ЛЕОНАТО. Значит, если красноречием синьора Бенедикта разбавить мрачность графа Джона...

БЕАТРИЧЕ. ...да прибавить к этому стройную фигуру, изящную походку и тугой кошелек, – перед такими достоинствами, дядюшка, не устоит ни одна женщина, если только она окажется достаточно падкой на мужчин.

ЛЕОНАТО. Помяни мое слово, племянница, ты никогда не выйдешь замуж, если будешь так подкалывать своих женихов.

АНТОНИО. Точно: она бодлива, даже слишком.

БЕАТРИЧЕ. Бодлива или слишком бодлива? Это – разница. Ведь если, как утверждают, бодливой корове Бог рог не дает, то слишком бодливой, дядюшка, Бог может дать рогатого быка.

ЛЕОНАТО. Стало быть, либо ты будешь безрогой, либо твой муж рогачом?

БЕАТРИЧЕ. Выходит, так, если только Бог не отвадит от меня всех женихов, о чем я на коленях прошу Его перед сном и по пробуждении. Господи! избавь меня от мужа-бородача, и я – так и быть! – стану укрываться войлочным одеялом.

ЛЕОНАТО. Ты можешь подцепить и безбородого.

БЕАТРИЧЕ. А на кой он мне сдался? Горничная из такого все равно не выйдет, даже если натянуть на него мое платье. Бородатый не юноша, безбородый не мужчина; юноша не муж мне, мужчине я не жена. По-моему, чем заводить своих детей, лучше, согласно пословице, проводить чужих в ад.

ЛЕОНАТО. Ты хочешь оказаться в аду?

БЕАТРИЧЕ. никоим образом. Старый рогоносец по имени Дьявол меня и на порог не пустит. «Марш на небо, Беатриче, – скажет он мне, – марш на небо, нам тут девушки не нужны». И я, подкинув ему чужой выводок, упорхну к Святому Петру. Тот отведет меня к вечным холостякам, и мы устроим праздник вплоть до самого конца света.

АНТОНИО (ГЕРО). А ты, племянница, будешь слушаться отца?

БЕАТРИЧЕ. Еще бы! Сестрица сделает реверанс и скажет из чувства долга: «Воля ваша, батюшка!». Но если, сестра, жених тебе не понравится, советую перед реверансом сказать: «Воля моя, батюшка!».

ЛЕОНАТО. Говори, что хочешь, племянница, но в один прекрасный день я все же познакомлюсь с твоим мужем.

БЕАТРИЧЕ. Вполне возможно, если Господь Бог изготовит его не из глины. Бедные женщины! Нами руководит не что иное, как достославный прах земной. Мы полностью подотчетны шматку какого-то перегноя. Нет, дядя, это не для меня. Кроме того, все правнуки Адама – мои дальние родственники, а я против кровосмешения.

ЛЕОНАТО. Дочка, ты помнишь наш разговор? Если принц кое о чем тебя спросит, отвечай, как договорились.

БЕАТРИЧЕ. Его сочтут плохим танцором, если он, предлагая свою руку, споткнется под музыку. А если в случае отказа принц начнет нудно повторять одни и те же па, станцуй ему что-нибудь насчет чувства меры. Потому что – Геро, я это говорю для тебя – состояние до брака, при заключении брака и по его заключении относятся друг к другу так же, как джигга, менуэт и гальярда. Добрачное ухаживанье происходит в ритме джигги: страстно, стремительно и сногсшибательно; заключение брака или венчание – в стиле музейной древности менуэта, мерного и манерного; и наконец послебрачное сожаление – в темпе головокружительной гальярды; ноги при этом постепенно заплетаются до такой степени, что сами ставят себе подножку – и кувырк в могилу.

ЛЕОНАТО. Твои наблюдения, племянница, истолкованы чересчур превратно.

БЕАТРИЧЕ. Чтобы соблюсти себя ночью, дядя, надо быть днем очень зоркой. А при солнечном освещении я способна узреть даже церковного привратника.

ЛЕОНАТО. Кажется, брат, начинается маскарад. Пора надеть маски.

Входят ДОН ПЕДРО, КЛАВДИО, БЕНЕДИКТ, БАЛЬТАЗАР, ДОН ДЖОН, БУТЫЛЬО, МАРГАРИТА, УРСУЛА и ДРУГИЕ, в масках.

ДОН ПЕДРО. Не угодно ли прогуляться, леди?

ГЕРО. А вы кто?

ДОН ПЕДРО. Ваш друг.

ГЕРО. Если друг готов идти прогулочным шагом, смотреть только на меня и всю дорогу молчать, то я согласна идти с ним хоть на край... сада.

ДОН ПЕДРО. Вы согласны дойти со мной до самого края?

ГЕРО. Если пожелаю, то и дальше.

ДОН ПЕДРО. Я готов исполнить любое ваше желание.

ГЕРО. Прежде всего вы должны показать вашу физиономию. Не дай Бог инструмент окажется не лучше чехла.

ДОН ПЕДРО. В моем чехле, как в лачуге Филемона, прячется Юпитер.

ГЕРО. А не протекает ли крыша у этой лачуги? Что-то не видно на ней соломы.

(ДОН ПЕДРО и ГЕРО уходят.)

МАРГАРИТА. Вам надо сбавить тон, если вы хотите мне понравиться.

БАЛЬТАЗАР. Еще как хочу.

МАРГАРИТА. Тем хуже для вас.

БАЛЬТАЗАР. Почему?

МАРГАРИТА. Потому что у меня много недостатков.

БАЛЬТАЗАР. Например.

МАРГАРИТА. Я обожаю громко молиться.

БАЛЬТАЗАР. А я, слыша громкие молитвы, обожаю говорить «Аминь!». Помолитесь на пробу.

МАРГАРИТА. Господи, ниспошли мне хорошего партнера... по танцам!

БАЛЬТАЗАР. Аминь, дочь моя!

МАРГАРИТА. И пошли его куда-нибудь подальше по их окончании! Вам слово, отец мой.

БАЛЬТАЗАР. Вашему отцу и без слов все ясно.

(БАЛЬТАЗАР и МАРГАРИТА уходят.)

УРСУЛА. Я угадала, вы синьор Антонио.

АНТОНИО. Вы ошиблись.

УРСУЛА. Но вы так же, как и он, трясете головой.

АНТОНИО. Вы не поверите, но я его копирую.

УРСУЛА. Конечно, не поверю, потому что копия выходит лучше самого оригинала. Да и рука у вас такая же сухая, как у него. Сознавайтесь, вы же Антонио.

АНТОНИО. Говорю вам, нет.

УРСУЛА. Да хватит вам. Столь остроумного собеседника, как вы, то есть как синьор Антонио, еще поискать. Разве такой ум скроешь? Бросьте отнекиваться, я вас узнала. Способности, они сами себя выказывают. Вот вам и весь сказ.

(АНТОНИО и УРСУЛА уходят.)

БЕАТРИЧЕ. Значит, я сумасбродка и все свои шутки черпаю из сборника анекдотов?

БЕНЕДИКТ. Я этого не говорил.

БЕАТРИЧЕ. А кто говорил?

БЕНЕДИКТ. Прошу прощения, не скажу.

БЕАТРИЧЕ. Может, синьор Бенедикт?

БЕНЕДИКТ. А кто это?

БЕАТРИЧЕ. Полагаю, он вам хорошо знаком.

БЕНЕДИКТ. Первый раз слышу.

БЕАТРИЧЕ. Неужели он вас ни разу не рассмешил?

БЕНЕДИКТ. Кто же он такой, в конце концов!

БЕАТРИЧЕ. Шут принца, и совершенно безмозглый. Непревзойденный мастер самой чудовищной клеветы, которая приводит в восторг только отпетых развратников, которым его гнусности приятней его злопыхательства. Своими шуточками он то веселит людей, то раздражает, а они ему за это платят смехом пополам с колотушками. Он где-то здесь лавирует по паркету и, если вдруг подплывет сюда...

БЕНЕДИКТ. Я познакомлюсь с этим джентльменом и передам ему ваш отзыв о нем.

БЕАТРИЧЕ. Это сколько угодно. Но ничего не произойдет. Он только стрельнет в меня одной двумя язвительными остротами и, поскольку, как всегда, промажет, не вызвав никакого смеха, то надуется, в результате чего за ужином одно-два крылышка куропатки не будут обглоданы, ибо шут совершенно утратит аппетит.

Музыка.

Мы должны следовать за этой парой.

БЕНЕДИКТ. А если они заведут нас куда не следует?

БЕАТРИЧЕ. Пусть только попробуют – я сразу же развернусь в обратную сторону.

Танцы.

(Все уходят, кроме ДОНА ДЖОНА, БУТЫЛЬО и КЛАВДИО.)

ДОН ДЖОН. Итак, мой брат решил жениться на Геро и пошел потолковать об этом с ее отцом. Девушки составили ей компанию, а на нашу долю осталась только одна маска.

БУТЫЛЬО. Судя по фигуре, это Клавдио.

ДОН ДЖОН. Вы случайно не синьор Бенедикт?

КЛАВДИО. Он самый, и не случайно.

ДОН ДЖОН. Синьор, мой брат намерен посвататься к Геро, а вы, его самый верный приближенный, должны отговорить его от этой затеи. Это неравный брак, и вы как благородный человек обязаны вмешаться.

КЛАВДИО. Как вы об этом узнали?

ДОН ДЖОН. Слышал своими ушами.

БУТЫЛЬО. Я тоже. Он готов хоть сегодня жениться на ней.

ДОН ДЖОН. Ну да ладно. Пора и за стол.

(ДОН ДЖОН и БУТЫЛЬО уходят.)

КЛАВДИО. Вот, Клавдио: сказавшись Бенедиктом,

Ты сам остался с носом. Ну, и принц!

Он обо мне и думать позабыл.

Во всем на дружбу можно положиться,

Но не в любви. Влюбленные сердца

Рассчитывать не могут на чужие

Глаза и языки. В таких делах

Вас предадут доверенные лица:

В душе их чародейка-красота

Растопит чувство долга. Сплошь и рядом

Бывает так, чему не верил я.

А значит, Геро милая, прощай!

Входит БЕНЕДИКТ.

БЕНЕДИКТ. Это вы, Клавдио?

КЛАВДИО. А кто ж еще!

БЕНЕДИКТ. Если хотите, ваше сиятельство, я провожу вас.

КЛАВДИО. Куда именно?

БЕНЕДИКТ. К первой попавшейся иве: кажется, у вас там дело.

КЛАВДИО. Ты хочешь, чтобы я повесился?

БЕНЕДИКТ. Ни в коем случае. Просто там можно разжиться гирляндами. Кстати, как вы будете носить свою? На шее, как цепь ростовщика, или через плечо, как офицерский шарф? Нравится она вам или нет, носить вам ее не сносить, – принц заарканил твою Геро.

КЛАВДИО. Желаю удачи.

БЕНЕДИКТ. Это все? Можно подумать ты гуртовщик, сдавший на бойню партию скота. Нет, но каков принц! Нечего сказать, помог другу. Мог ты такое предположить?

КЛАВДИО. Отстань, пожалуйста.

БЕНЕДИКТ. Вот как. Ты как тот слепец: у него увели подачку из-под руки, а он знай себе тычет кулаками наудачу.

КЛАВДИО. Ты, похоже, не отвяжешься. Тогда уйду я. (*Уходит.*)

БЕНЕДИКТ. Теперь забьется, бедолага, куда-нибудь в кусты зализывать рану. Но вот что удивительно: Беатриче и права, и не права насчет меня. Шут принца! Ничего себе! У меня веселый нрав, вот она и приклеила мне эту кличку. Однако беспричинного смеха я за собой не замечал и в дурачках не числюсь. Просто Беатриче во всем видит только дурную сторону,

считает свое мнение единственно верным, вот и распускает обо мне всякие слухи. Но со мной эти штучки не пройдут.

Входит ДОН ПЕДРО.

ДОН ПЕДРО. Куда подевался граф? Ты его видел?

БЕНЕДИКТ. Он был здесь, но такой унылый и одинокий, точно избушка на курьих ножках в лесной глухомани. А я, милорд, малость поработал разносчиком новостей, то есть пере-сказал ему один слушок – полагаю, достоверный – насчет того, что вы, ваша светлость, тихо-молком снискали расположение одной юной леди. Я даже чуть было не отвел его к ближайшей иве, где либо плетут гирлянды на память о погибшей любви, либо срезают прутья на розги.

ДОН ПЕДРО. Для кого же розги?

БЕНЕДИКТ. Для того же графа.

ДОН ПЕДРО. Разве он не вышел из школьного возраста?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.